

З. Фрейд

БУДУЩЕЕ ОДНОЙ
ИЛЛЮЗИИ

Зигмунд Фрейд
Будущее одной иллюзии

«ОМІКО»

1927

Фрейд З.

Будущее одной иллюзии / З. Фрейд — «ОМІКО», 1927

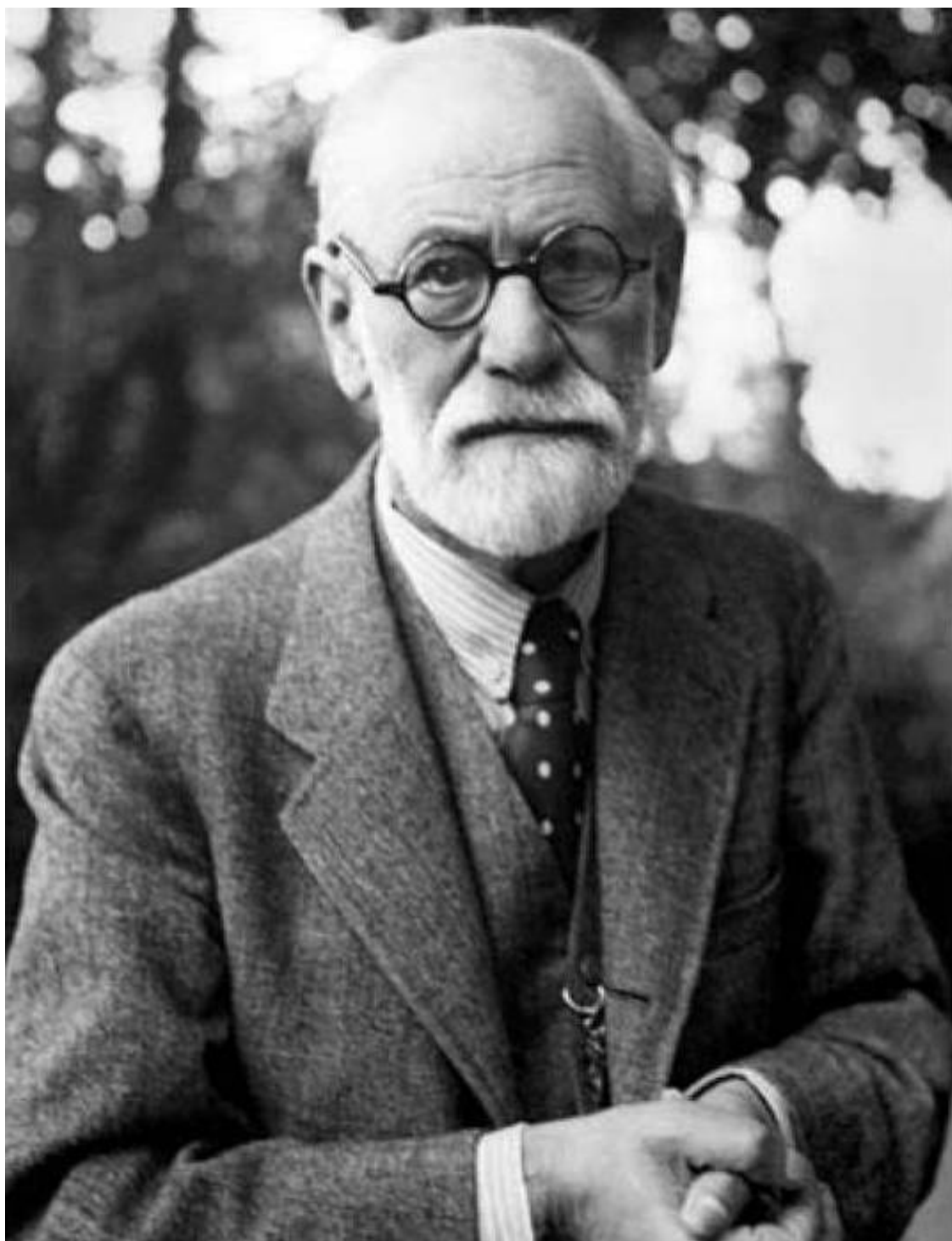
Зигмунд Фрейд (1856–1939) – австрийский невропатолог, психиатр и психолог; основоположник психоанализа. Его работа «Будущее одной иллюзии» была опубликована в 1927 году. Она посвящена причинам происхождения и особенностям религиозных верований с точки зрения психоанализа.

© Фрейд З., 1927

© ОМІКО, 1927

Содержание

I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Зигмунд Фрейд

Будущее одной иллюзии

I

Прожив продолжительное время в окружении определенной культуры и приложив немало усилий, чтобы исследовать ее истоки и пути развития, иной раз испытываешь искушение обратить взоры в другом направлении и поставить себе вопрос, каковы дальнейшие судьбы этой культуры и какие ей предопределены превращения. Но тогда скоро заметишь, что такое исследование с самого начала обесценено несколькими моментами. Больше всего тем, что найдется лишь немного людей, которые были бы способны охватить человеческую деятельность во всем ее объеме. Для большинства необходимо ограничить себя какой-нибудь одной или несколькими областями. Однако чем меньше исследователь знает о прошлом и настоящем, тем неувереннее будет его суждение о будущем; а еще и потому, что именно в этом суждении субъективные ожидания человека играют трудноопределимую в отношении его важности роль; и они-то зависят от чисто личных моментов его собственного опыта, от его более или менее оптимистической установки в отношении жизни, установки, которая диктуется ему темпераментом, успехами или неудачами. Выясняется, наконец, и тот примечательный факт, что, как правило, люди с большой наивностью переживают свое настоящее и неспособны оценить его содержание; им сначала надо отойти на какое-то расстояние – иными словами, настоящее должно сделаться прошлым, если хочешь вывести из него отправные точки для определения будущего.

Кто, таким образом, поддается искушению сформулировать свои соображения о вероятном будущем нашей культуры, должен держать в памяти вышеприведенные размышления, а также и ту недостоверность, которая всегда присуща любому предсказанию. Из этого я вывожу заключение, что мне следует поспешно удалиться от слишком большого задания и обратиться к той небольшой части исследования, которая и раньше привлекала мое внимание, определив его положение внутри всего целого.

Человеческая культура – под этим я разумею все то, чем человеческая жизнь возвышается над своими животными условиями и чем она отличается от жизни животных, причем я пренебрегаю различием между культурой и цивилизацией, – эта человеческая культура, как известно, показывает наблюдателю две свои стороны. С одной стороны, она охватывает все приобретенные людьми знания и умения, дающие им возможность овладеть силами природы и получить от нее материальные блага для удовлетворения человеческих потребностей; с другой стороны, в нее входят все те установления, которые необходимы для упорядочения отношений людей между собой, а особенно для распределения достижимых материальных благ. Оба направления культуры находятся в зависимости друг от друга; во-первых, потому, что на взаимные отношения людей глубочайшим образом влияет та мера удовлетворения первичных позывов, которая возможна при имеющихся в распоряжении земных благах; во-вторых, также и потому, что отдельный человек может вступить с другим человеком в такие отношения, когда он сам окажется своего рода достоянием, материальным благом, поскольку другой человек использует его рабочую силу или избирает его своим сексуальным объектом; в-тре-

тых, наконец, потому, что каждый отдельный человек является физическим врагом культуры, которая ведь должна представлять общечеловеческий интерес. Примечательно, что люди, хотя и не могут существовать разобщенно, в то же время ощущают как тяжелое бремя те жертвы, которых требует от них культура, чтобы сделать возможной совместную жизнь. Культура, следовательно, должна защищать себя от отдельного человека, и эту задачу выполняют ее организации, институты и требования. Их цель – не только установить известное распределение материальных благ, но и удержать это распределение; более того, они должны защищать от враждебных побуждений человека все то, что служит для покорения природы и производства материальных благ. Творения человека легко разрушить, и создавшие их наука и техника могут быть употреблены и для их уничтожения.

Таким образом, создается впечатление, что культура есть нечто навязанное сопротивляющемуся большинству неким меньшинством, которое сумело присвоить себе средства принуждения и власти. Может, конечно, показаться, что эти трудности коренятся не в самой сути культуры, а обусловлены несовершенством тех культурных форм, которые были до сих пор созданы. Действительно, эти недостатки нетрудно обнаружить. В то время как человечество делало непрерывные шаги вперед в деле господства над природой и в этой области можно ожидать еще больших успехов, нельзя с уверенностью констатировать подобный прогресс в деле упорядочения человеческих отношений; и, вероятно, во все времена, как и теперь, многие люди спрашивали себя, стоит ли вообще защищать эту область культурных приобретений. Казалось бы, что возможна такая новая перестройка человеческих отношений, которая уничтожила бы самые источники недовольства культурой; в таком случае необходим был бы отказ от принуждения и подавления первичных позывов, и люди, не тревожимые внутренним разладом, могли бы предаваться приобретению земных благ и наслаждаться ими. Это было бы золотым веком, однако остается вопрос, возможно ли осуществить такое положение. Скорее кажется, что каждая культура создается принуждением и подавлением первичных позывов; нельзя даже с уверенностью утверждать, что при отсутствии принуждения большинство человеческих индивидов будет согласно взять на себя ту работу, которая необходима для приобретения новых материальных благ. Надо, как мне думается, считаться с тем фактом, что у всех людей имеются разрушительные, следовательно, противообщественные и антикультурные, тенденции и что у большого количества людей они достаточно сильны, чтобы определить их поведение в человеческом обществе.

Этот психологический факт имеет решающее значение для оценки человеческой культуры. Если с первого взгляда можно было бы думать, что самым существенным в ней является овладение природой для приобретения жизненно необходимых благ и что грозящие ей опасности можно устранить целесообразным распределением этих благ между людьми, то теперь кажется, что центр тяжести смещается с материального на душевное. Решающим моментом делается следующее: возможно ли вообще, а если возможно, то в какой мере удастся облегчить тяжесть жертв, которые требуются от людей при подавлении ими своих первичных позывов, как примирить людей с неизбежно остающимися жертвами и как их за это вознаградить. Как нельзя отказаться от принуждения, так нельзя отказаться и от власти меньшинства над большинством, ибо масса ленива и несознательна, она не любит отказа от инстинктов, а доказательствами ее нельзя убедить в неизбежности этого отказа, и ее индивиды поддерживают друг друга в поощрении собственной разнузданности. Только влиянием образцовых индивидов, признанных ее вождями, можно добиться от нее работы и самоотверженности, от которых зависит прочность культуры. Все хорошо, если эти вожди обладают пониманием необходимостей жизни, превосходящим понимание остальных, и если они возвысились до овладения своими собственными инстинктами. Для них, однако, имеется та опасность, что, не желая терять свое влияние, они больше будут уступать массе, чем эта последняя будет уступать им. И поэтому кажется необходимым, чтобы они обладали средствами власти и были бы, таким

образом, независимы от массы. Резюмируя вышесказанное, нужно признать, что два широко распространенных качества человека несут ответственность за то, что культурные установления можно удержать только при помощи известной меры принуждения: люди по природе своей не любят работы, а доводы бессильны против их страстей.

Я знаю, что именно мне будут возражать на эти соображения. Мне скажут, что описанный здесь характер человеческих масс, который якобы должен доказать необходимость принуждения для культурной работы, сам является следствием ошибочных культурных мероприятий, которые и сделали людей ожесточенными, мстительными и недоступными для общения. Новые поколения, любовно воспитанные в глубоком уважении к мышлению, рано узнавшие благодетельства культуры, будут иметь и иное к ней отношение, будут ощущать ее как глубоко личное достояние, и в них будет готовность приносить ей жертвы работой и отказом от удовлетворения первичных позывов, необходимых для ее поддержания. Для них не нужно будет принуждения, и они мало будут отличаться от своих вождей. Если ни одна культура до сих пор не дала человеческих масс такого качества, то это происходит оттого, что ни одна культура не создала еще условий, которые могли бы с самого детства влиять на людей подобным образом.

Можно, однако, сомневаться, осуществимо ли вообще создание таких культурных условий и возможно ли это уже сейчас, при настоящем уровне господства над нашей человеческой природой; можно задать вопрос, откуда появится такое количество превосходящих других по уровню, непоколебимых и бескорыстных вождей, которые должны работать в качестве воспитателей будущих поколений; можно испугаться безмерного количества принуждения, которое будет неизбежно до полного проведения в жизнь этих заданий. Грандиозность этого плана и его значение для будущности человеческой культуры неоспоримы. Этот план точно основывается на психологическом понимании того, что в человеке живут задатки разнообразнейших первичных порывов, окончательное направление которых определяется переживаниями

раннего детства. Пределы воспитуемости человека ставят поэтому и границы эффективности такой перемены культуры. Можно сомневаться в том, в какой мере и может ли вообще другая культурная среда искоренить эти два качества человеческой массы, которые так затрудняют управление человеческой деятельностью. Такой эксперимент еще не производился. Вероятно, вследствие нездоровых предрасположений или преувеличенной силы инстинктов известный процент человечества всегда остается асоциальным, но если только удастся нынешнее враждебное культуре большинство довести до меньшинства, то этим уже очень много будет достигнуто, может быть, и вообще все, что возможно достигнуть.

Мне не хотелось бы произвести впечатление, что я сильно отклонился от предначертанного пути моего исследования. Поэтому я хочу со всей определенностью заверить, что я не собираюсь производить оценку того громадного культурного эксперимента, который в настоящее время совершается на обширных пространствах между Европой и Азией. У меня нет ни знания дела, ни способности, чтобы судить о его выполнимости, проверить целесообразность применяемых методов или определить размеры неизбежной пропасти между намерением и осуществлением. То, что там подготавливается, пока не закончено и не поддается такому рассмотрению, какому наша давно устоявшаяся культура дает достаточный материал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.